

## II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

---

### *Валковское кладбище.*

O curas hominum! Quantum est in rebus inane!  
Catul.

Городъ Валки представляетъ взорамъ прелестный видъ красоты, изобилія и сельскихъ удовольствій. Тамъ нѣтъ великолѣпныхъ картинъ — вынуждающихъ удивленіе, — нѣтъ ошмѣно живописныхъ мѣстъ — приводящихъ душу въ восхищеніе; но всѣ красоты, совокупно щедрою рукою природы изліянныя на окрестности сего города, вливають въ сердце какое то сладостное чувство, — которое труднѣе изобразить, нежели чувствовать. Особливо около села Соф. . . . . гдѣ лежитъ почтенный прахъ Н. М. К. . . . и его супруги Е. С. . . . ; также по дорогѣ въ Р. . . . гдѣ нѣкогда жила К. М. К. . . рѣдкій образецъ супругъ и матерей: память ихъ и поднесъ возбуждаетъ истинное и живѣйшее сожалѣніе у шѣхъ, кои знаютъ ихъ имѣли щасіе.

Лучшее украшеніе прекрасныхъ и мирныхъ Валоковь составляютъ Н. А. Р.... мужъ достойный уваженія, щастливый отецъ семейства, — и Протоіерей отецъ В. С. . . . кропкій служитель церкви, ревностный и краснорѣчивый проповѣдникъ слова Божія, неутомимо побуждающій слушателей къ благочестію правиломъ и примѣромъ: онъ по справедливости достоинъ имени Валковскаго Масильёна. Да не оскорбится его христіанское смиреніе симъ названіемъ! я увлекаюсь невольнымъ движеніемъ сердца и считаю себя обязаннымъ платить непри- творную дань должной ему благодарности за ту неоцѣненную пользу, которую я почерпнулъ изъ его поучительныхъ проповѣдей, — равно какъ и изъ долговременнаго съ нимъ обращенія моего.

Всѣ вообще превозносятся хвалами славную Лорренову картину, изображающую веселыя пляски щастливыхъ поселянъ; — и другую картину Пуссеня, представляющую могилу сельскаго жителя съ сими выразительными словами: *и я нѣкогда жилъ въ щастливой Аркадіи!!*

Такъ-то лучшія удовольствія краткой нашей жизни заимствуютъ новую степень силы и достоинства отъ противоположностей, составляющихъ удивительную гармонію вселенныя! . . . Во время моего жительства въ Валкахъ я охотно посѣщалъ тамошнее кладбище, имѣющее пріятнѣйшее мѣстоположеніе; болѣе же всего влекло меня туда то, что изъ сей обители смерти и тлѣнія можно весьма удобно обнять взоромъ вдругъ все пространство каршинъ, придающихъ городу столь прелестный видъ, — когда солнце восходитъ или заходитъ, при очаровательномъ смѣшеніи тѣней со свѣтомъ. Мы съ великимъ иждивеніемъ посѣщаемъ мѣста, споспѣшествующія къ исцѣленію тѣлесныхъ нашихъ недуговъ; — почтожь спрашиваться тѣхъ, кои даромъ служатъ къ уврачеванію душевныхъ болѣзней и сердечныхъ скорбей? Изъ-подъ надгробныхъ камней выходитъ какой-то спасительный и утѣшительный голосъ, громко вѣщающій размышляющему: здѣсь лежатъ тебѣ подобные; ихъ путь на земли уже свершенъ; они безпокоились и спрадали, по-

добно тебѣ; смерть подняла завѣсу между ими и свѣтомъ, — они заснули — и наслаждаются вѣчнымъ спокойствіемъ; — и теперь только исполнились всѣ надежды человеческого сердца ничѣмъ ненасыщаемого! Добродѣтель оправдана и награждена, *Гробъ есть памятникъ поставленный на рубежахъ двухъ міровъ* — какъ сказала нѣкто; я прибавляю: онъ есть путь къ желаемому всѣми вѣчному блаженству.

Въ проѣздѣ мой чрезъ Валки по окончаніи путешествія по Крымскому полуострову съ покойнымъ Д. М. К. . . , потомъ по возвращеніи въ Харьковъ изъ Херсона и Екатеринославля, — Валковское кладбище не было мною забыто. . . . и, по причинѣ продолжительнаго отсутствія, я считалъ первую обязанностію — посетить любимое мѣсто съ тѣмъ, чтобы отдать послѣдній долгъ праху умершихъ знакомыхъ моихъ обоего пола. Уже склонялось солнце къ западу и торжественное безмолвіе царствовало повсюду вокругъ меня; оно скоро настроило мой умъ къ важнымъ размышленіямъ. Ходивши

долго между гробами и занявшись чтеніемъ надписей, не безъ тяжкихъ вздоховъ времяемъ вылетавшихъ изъ стѣсненной груди, я съ почтеніемъ остановился при могилѣ честнаго и безкорыстнаго судьи В. М. . . скова; вспомнилъ Филемона и Бавкиду • нашедши мѣсто, гдѣ покоятся Ф. . . Ф. . и М. В. Тарновскіе;—они, можетъ быть, были еще щастливѣе упоминаемыхъ въ мифологіи: у нихъ были дѣти,—а благонравные дѣти суть небесный даръ и лучшее Божіе благословеніе! Наконецъ утомившись сѣлъ я подъ сѣнью цвѣтущихъ деревъ, дабы пользоваться приятною прохладою шихаго вечера послѣ знойнаго дня. При выборѣ мѣста отдохновенія просто слѣдовалъ я влеченію сердца. . . . и очутился между гробами трехъ чужеземныхъ приятелей Ив. Ив. Айкова, Ив. Ив. Шпигельберга и Ив. Ив. Титаря. При видѣ деревъ, которыя прежде видѣлъ я небольшими отростками, поражаюсь внезапною мыслію о быстромъ теченіи времени и произношу горестно: какъ приятны дни наши проведенные подъ заботливою защитою добрыхъ и нѣжныхъ

родителей! Но какъ и кратковременно  
сѣ блаженство! Едва земнородные успѣ-  
ютъ узнать другъ друга, едва они сое-  
динятся священными узами родства и  
дружества, — какъ непредвидимыя и не-  
измѣняемыя опредѣленія Судьбы ихъ раз-  
лучаютъ! Увы, вся жизнь наша есть не  
что иное, какъ скоротечный день и вре-  
мя счастья, время невинныхъ забавъ въ  
юности — одно только прекрасное май-  
ское утро! Но наша жизнь, по видимому,  
такъ устроена, — что бы намъ до по-  
слѣдняго издыханія всегда находиться  
между воспоминаніями и надеждою . . . .  
Всѣ должны платить дань несовершенству  
человѣческой природы: поелику мы всѣ  
составлены изъ одинакаго вещества и  
нѣтъ совершенно здѣсь счастливыхъ! Нѣтъ  
такого, которой бы не былъ обманутъ  
очаровательною надеждою, блестящими  
мечтами будущности. Въ пятьдесятъ  
лѣтъ моей жизни я не зналъ человѣка, ко-  
торого бы не снѣдалакая нибудь тайная  
скорбь. . . И всѣ сѣ знакомые мнѣ здѣсь  
покоющіеся, можетъ, были еще счастливыѣ-  
шѣхъ, — у коихъ они вовремя жизни снѣ-

скивали благосклонную улыбку. Подобно измѣненіямъ годовыхъ времянь — радость и печаль, щастіе и несчастіе вѣчно сопряжены будущъ съ нашимъ существомъ. Но мы никогда не осиротѣемъ, опираясь на незыблемыхъ столпахъ божественной Религіи. — Какое непостижимое сцѣпленіе случаевъ и превращеностей привело сихъ трехъ иностранцевъ — Грузинца, Нѣмца и Француза въ Валки, гдѣ кончилось ихъ странствованіе по свѣту? Они, извѣстно мнѣ, часто пили изъ горькой чаши несчастія; но и щастіе нерѣдко имъ благоприятствовало, когда уживались они съ посредственностію, когда бывали малымъ довольны по совѣту Религіи для всѣхъ благодѣтельной. Всѣхъ болѣе страдалъ Ив. Ив. Гитаръ, — родившійся подъ прекраснымъ небомъ Лангедока, въ нѣдрахъ религіи всегда угнѣщенной, — а иногда гонимой во Франціи. Однакожь онъ чшилъ и любилъ отечество; и сей добродушный старикъ часто проливалъ слезы умиленія, говоря со мною о щастіи Франціи — Генрикѣ IV, о добродѣтельномъ Сюлли, о божественномъ Фенелонѣ, о славныхъ

полководцахъ Тюрень, Капинашѣ и Дюкенѣ. Онѣ встрѣтили смерть съ спокойнымъ лицомъ честнаго человѣка и говаривалъ часто о семъ для многихъ столь страшномъ мгновеніи, какъ о приятномъ переселеніи весною изъ города въ деревню.—Горе тому нечувствительному, который не любитъ добраго и честнаго чужеземца! Безжалостное сердце того вѣрно не внимало никогда гласу природы и человѣчества . . . . Оно никогда нечувствовало силы словъ, начертанныхъ рукою Бого-вдохновеннаго Еврейскаго Законодателя: *помяните Израильтяне, что и вы некогда были странниками въ землѣ чужой*. Человѣкъ општоргнуый изъ предѣловъ любезной отчизны, изъ обаяній родныхъ и друзей, — чувствительный человѣкъ можетъ по справедливости, достигнувъ вечера бурной и превратной жизни, въ умиленіи сказать съ патриархомъ Іаковомъ — *малы и злы быша днѣ мои!*—Какъ можно не чувствовать привязанности къ мѣстамъ, бывшимъ свидѣтелями нашихъ забавъ и удовольствій? Но изъ всѣхъ мѣстъ приятнѣйшее есть то, гдѣ мы родились и

блаженствовали; гдѣ мы попеременно переходили изъ объятій нѣжной матери въ объятія чадолюбиваго отца; гдѣ постепенно развивались наши способности; гдѣ слышно было первое лепетаніе благодарности, первые вздохи непорочной любви и первыя взаимныя изъясненія двухъ сердець, сопряженныхъ узами священно-го дружества — сего небеснаго чувствованія, дарованнаго человѣку для его утѣшенія и оправды!! Глубокое чувство любви къ отечеству не подвержено измѣненіямъ климатовъ и равно ощущается всѣми многоразличными народами, съ тою только разницею, — что сія потребность человѣческаго сердца сильнѣе обнаруживается у непросвѣщенныхъ, нежели у просвѣщенныхъ: у первыхъ сила воспишанія, привычекъ и политическихъ отношеній не ослабляетъ могущества природы. Свидѣтельствуюсь тобой, чувствительный Омагишанинъ — добрый Потавери! наслаждавшійся долго подъ роскошною тѣнью отечественныхъ деревъ всѣми дарами и благами природы!! Блескъ ложныхъ и скукою выдуманныхъ удовольствій среди

сластолюбиваго Парижа не могъ затмить въ твоихъ глазахъ сѣянїя Омагитскаго солнца; ты скоро обшекъ тѣсный кругъ искусственныхъ забавъ, скоро чадъ исчезъ вскружившій было тебѣ голову; — сѣшванїе, унынїе и тоска скоро овладѣли тобою и осталась лишь одна пустава въ сердцѣ! . . . Но при видѣ хлѣбнаго дерева, растущаго въ Омагитѣ, гдѣ текли мирно шастливые дни твоей молодости, — сладостныя воспоминанїя пробудились въ душѣ твоей; природа изъяснилась твоими устами, когда обнявъ крѣпко священное опечествленное дерево, ты въ неизъяснимомъ восторгѣ вскричалъ: *это Омагити! это Омагити* — и смотрѣлъ при томъ съ равнодушїемъ на рѣдкія произрастѣнїя четырехъ частей свѣта! ! Въ чьемъ сердцѣ не отзываются твои слова? . . . Ими украшаешься *Поэма о садахъ*. — Подобно пріяннымъ снамъ, лешающимъ по поверхности души и ничего въ ней не оставляющимъ при пробужденїи, ложныя удовольствїя истребились бы совершенно изъ памяти безъ скуки и раскаянїя, — кои онѣ по себѣ оставляють. Не забуду и

вашъ примѣръ, неиспорченные чада Севера — добрые Лапландцы! Вы умерли отъ скуки, зноя, шомленія и шоски по холодномъ отечествѣ въ очаровательныхъ и благовоинныхъ рощахъ Шанпильскаго дворца! — И наконецъ вами, Гренландцы при Дацкомъ дворѣ! вами, свидѣтельствуюсь, — кои даже не убоялись подвергнуть жизнь свою неминуемой гибѣли въ волнахъ моря, чтобъ еще разъ цѣловать замерзшій берегъ отечества противъ воли вами оставленнаго. Вотъ примѣры неоспоримо доказывающіе, что отечественная страна никакой другой не можетъ быть замѣнена! — Мы вообще любимъ отечество не по одному отношенію къ красотамъ природы; но по воспоминанію о блаженномъ времени невинности, радости и щасія. Мысль о первомъ союзѣ любви и дружбы придаетъ отечеству неизъяснимую прелесть и приносить сладостное утѣшеніе на всю жизнь. . . . Подобно изображеніямъ, кои ликари дѣлаютъ неизладимыми на человѣческомъ плѣтѣ посредствомъ накалыванія и напиранія краскою, любовь къ отечеству у каждаго не-

безнравственнаго чловѣка пребудеть всегда послѣднимъ чувствомъ въ сердцѣ. . . .

. . . . Et dulces moriens reminiscitur Argos!  
Щастливъ тотъ, кто никогда не оставлялъ отечества! Заступъ для обрабатыванія отцовскаго наслѣдія принесетъ ему болѣе пользы, наслажденія и утѣшенія, — нежели страннической посохъ и рассказыванія о путешествіяхъ!

Между тѣмъ, солнце закатилось. . . .  
Такъ нѣкогда спустится завѣса между нами и свѣтомъ! Каждая минута есть вѣстникъ той вѣчной разлуки, которая сокроетъ вселенную отъ глазъ нашихъ! Каждая минута можетъ быть и послѣднею. Простите добрые иностранцы! простите прочіе знакомѣ! Нѣкогда прервется вашъ сонъ и мы паки увидимся за предѣлами гроба въ лучшемъ мірѣ: мы не сотворены для ничтожества! Сей безпокойный день, который мы называемъ жизнію, при величайшемъ благополучіи не можетъ удовлетворить желаніямъ сердца, — жаждущаго вѣчнаго блаженства; и можно ли крушиться съ такимъ мученіемъ о мечтахъ, о ложныхъ и часто опа-

сныхъ удовольствїяхъ, о томъ — что насъ оставляетъ еще прежде смерти, — можно, говорю, крушиться о семъ, не унижая достоинствъ своего разума? Святая и божественная Религїя! Горе тому, который дерзаетъ тебя почитать химерою! Ты утѣшаешь добродѣтельнаго человѣка отъ колыбѣли до самаго гроба; — и какъ не страшна смерть, — когда мы умираемъ съ чистою совѣстію, въ объятїяхъ утѣшительной Религїи, въ совершенномъ упованїи на милосердіе Творца! — Но тамъ приятнѣе и смерть, гдѣ мы на свѣтъ родились. Гдѣжъ конецъ моимъ странствованїямъ? Достигнули я тебя, Швейцарїя — страна родимая! чтобъ положить въ тебѣ на вѣчное успокоенїе бременный составъ мой? И отъ тебя ли возпаритъ духъ мой — шуда? —

*Иванъ Вернетъ.*

*Бугаевка,  
28 Апрѣля 1816.*

---